

Е. А. Мельникова

КУПЦЫ-СКАНДИНАВЫ И КИЕВСКАЯ РУСЬ НА ПУТИ В ВИЗАНТИЮ В X–XI вв.

Деятельность скандинавов в Византии в отечественной и зарубежной литературе традиционно характеризуется как наемничество и торговля. Так, об «интенсивном обмене товарами и услугами» пишет, например, Э. Пильц [*Piltz, 1998*, p. 486]. Правда, приведенные ею обширные и разнообразные материалы (в значительной части указывающие лишь на поездки скандинавов в Византию, но не на их торговую деятельность) привели ее к выводу о том, что торговые связи с Византией были преимущественно опосредованными, и таким посредником между ними была Русь. К сходному выводу пришел и Я. Ферлуга, отметивший незначительность следов торговой активности скандинавов с Византией в Скандинавии [*Ferluga, 1987*, S. 639–642]. Однако вопрос, почему прямые торговые связи скандинавов¹ с Византией в IX–XI вв. – в противоположность военной деятельности и при бесспорной престижности византийских материальных и культурных импортов (см. ниже: [*Malmer, 1981*, p. 128]) – не получили распространения, похоже, даже не ставился исследователями. Ответ на этот вопрос я постараюсь предложить в этой статье, посвященной Владимиру Яковлевичу Петрухину, – как небольшое дополнение к его собственным и нашим общим работам о скандинавах в Восточной Европе.

¹ Я имею в виду исландцев, норвежцев, шведов, данов. Скандинавов, осевших в Восточной Европе в VIII – первой половине X в., я условно называю русью/русами.

* * *

Исландские королевские и родовые саги – наиболее информативный, но вместе с тем и наиболее сложный для исторической интерпретации источник, – содержат крайне мало сведений о событиях IX–X вв. Они отразились в виде сюжетных мотивов в так называемых сагах о викингах. В них действие многих эпизодов локализуется в Восточной Европе, но в северо-западной, наиболее знакомой скандинавам ее части с центром в Ладоге [Мельникова, 2019б]. Передвижения скандинавов далее на восток и юг по Волжскому пути в Булгарию и Хазарию, оживленная торговля в арабском мире вплоть до Багдада, военные столкновения с хазарами и арабами на Кавказе, столь подробно засвидетельствованные восточными источниками (см.: [Древняя Русь..., 2009]), почти полностью стерлись из исторической памяти скандинавов XIII–XIV вв. Лишь в двух саговых сюжетах отразилась когда-то интенсивная деятельность скандинавов на Волжском пути. Первый связан с пребыванием Олава Харальдссона на Руси у Ярослава Мудрого, который, согласно саге, предлагает Олаву «взять то государство, которое зовется *Вулгарией*»; ее однозначно отождествляют с Волжской Булгарией [Джаксон, 2012, с. 370–372]. Второй сюжет, возможно, восходит к воспоминаниям о «каспийских походах русов» через Хазарию: в «Саге об Ингваре Путешественнике» сюжет о вреде, причиненном войску Ингвара где-то на востоке женщинами, может быть смутным отголоском неудачного похода русов на Берда'а в 943/944 г. [Глазырина, 2000; Коновалова, 1999]. В скандинавской географической традиции восточное направление экспансии норманнов в Восточной Европе отразилось в возникновении хоронима *Serkland*, производного, вероятно, от лат. *sericum* «шелк» и обозначавшего изначально земли от Каспийского моря до Передней Азии, откуда в Скандинавию мог попадать шелк, а позднее весь мусульманский мир [Мельникова, 1986, с. 216]. К древнейшей скандинавской топонимии Восточной Европы, возможно, относится гидроним *Olkoga|Alkoga*, приведенный в списке рек в небольшой заметке «Великие реки», написанной не позднее начала XIV в. Этот гидроним можно соотнести как с названием Волги, так и Волхова, но первое представляется более вероятным, во-первых, из-за окончания *-ga*, вероятно, передающего финскую гидронимическую основу < *-jogi/-joki* «река» (ср. Пинега, Молога и др.) и, во-вторых, из-за присутствия гидронима *Kuta*, который может быть сопоставлен с гидронимом *Кама* [Мельникова, 1986,

с. 151–157 (особенно с. 154–155)]². Наконец, на карте мира ок. 1250 г., автор которой использовал как европейские образцы, так и собственно скандинавскую географическую традицию, названо Каспийское море в латиноязычной форме *Caspies*, помещенное в список народов, обитавших на Кавказе и в Средней Азии: “Massagete. Caspries. Colchi Seres Bactria Hircania Armenia...” [Мельникова, 1986, с. 103–112 (цитата на с. 105)].

Если почти полное отсутствие сведений о торговой деятельности скандинавов на Волжском пути и их противоречивых отношениях с Хазарией вполне объяснимо, с одной стороны, большой временной дистанцией и спецификой отражения событий IX–X вв. (в форме сюжетных мотивов в сагах о викингах), а с другой (и это, видимо, главное), практически полным прекращением связей с этим регионом Европы в последующее время, то контакты с Византией того же X в. представлены в письменных текстах, как современных событиям (скальдические стихи, ранние рунические камни), так и XIII–XIV вв. (родовые и королевские саги). Память о них, очевидно, поддерживалась сохранением этих контактов в XII–XIV вв. (паломничества, участие в Крестовых походах и др.), а также чрезвычайно высоким престижем Византийской империи. Однако отразилась в письменных источниках лишь одна сторона деятельности скандинавов в Византии – военная служба.

Наемничество в Византии в X – начале XII в. запечатлелось в скальдических стихах (X–XII вв.) и надписях на рунических камнях (XI в.) и оставило глубокий след в исторической памяти скандинавов времени записи саг (XIII–XIV вв.) (см.: [Davidson, 1976; Blöndal, 1978; Scheel, 2015]). Вот, например, в конце XI в. некий Рёгнвальд заказал знаменитому мастеру-рунографу Эпиру мемориальный памятник в честь своей матери и дополнил традиционную надпись горделивыми словами «Руны велел высечь Рёгнвальд. Он был в Грикланде предводителем войска» [Мельникова, 2001, № Б-Приложение 1.22, с. 352–353]. Местечко, где установлен этот камень шириной в 5 м и высотой 3 м, – Эд (Упланд, Средняя Швеция) – находилось на пересечении торговых путей и было богатой усадьбой, которой владели предки Рёгнвальда. О его благосостоянии говорит уже то, что он мог позволить себе воздвигнуть подобный камень

² Безоговорочно отождествляет *Olgoga* с Волгой Т. Н. Джаксон [Джаксон, Калинин, Коновалова, Подосинов, 2007, с. 306–307].

и пригласить одного из лучших мастеров своего времени. Можно предполагать, что Рёгнвальд был местным хёвдингом, который собрал окрестных искателей богатства и славы, и со своей дружиной отправился в далекую Византию (*Grikkjar, Grikkland*) – источник земных благ. Не в составе ли его дружины побывали «в Греции» его соседи, Свейн и Торир, в память о которых поблизости установлена не менее роскошно орнаментированная стела, также высеченная Эпиром? [Мельникова, 2001, № Б-Приложение 1.21, с. 352]. О таких же искателях богатства и славы в Византии сообщают еще около 28 стел, по преимуществу из Средней Швеции (Свеаланда); на 19-и из них упоминается, что «ездивший в Грецию» там и погиб, – вероятно, служа в византийском войске.

Для этих воинов уже ко времени воздвижения рунических камней, т.е. не позднее конца X в., возникает специальное обозначение – *grik(k)fari* «ездивший в Грецию», а в надписях на камнях специально отмечается прибыльность таких поездок: там «добыли золото» некие Хедин и Олав; Кабби «приобрел наследство», т.е. богатство, ставшее его наследством, Харальд с братом уехали «далеко за золотом» [Мельникова, 2001, Б-Приложение 1.6; 11; 15; Б-III.5.8]. Но путь через реки Восточной Европы в Византию был обнаружен скандинавами по меньшей мере столетием раньше.

Исландские родовые саги, записанные в XIII в., но сохранившие память о событиях X–XI вв., рассказывают или упоминают о десятках исландцев, совершивших более или менее удачные поездки в Византию. По внутренней хронологии родовых саг, древнейшие упоминания о таких поездках содержит в «Сага о Хравнкеле Годи Фрейра» (записана, вероятно, в конце XIII в.), где рассказывается о двух таких предприятиях. Первое условно датируется 937–944 гг.: исландец Торкель Светлая Прядь, сын Тьоста и брат годи Западных фьордов, «провел семь лет в Миклагарде (Константинополе. – Е. М.) и ходил под рукой конунга Гарды»³. Выражение «ходящий под рукой» (*handgenginn*) однозначно указывает на военную службу Торкеля в Византии, хотя и совсем не обязательно под непосредственным командованием императора: близость к византийскому императору

³“Hefi ek verit útan sjau vetr ok farit út í Miklagarð, en em handgenginn Garðskonunginum, en nú em ek á vist með bróður mínum, þeim er Þorgeirr heitir” [*Hrafnkels saga Freysgoða*, 1950, кап. IX; *Сага о Хравнкеле Годи Фрейра*, 1999, с. 28 (с уточнениями автора)].

скандинавского воина, получение из его рук даров и различных почестей – топос в древнескандинавской литературе.

Вторая упомянутая в саге поездка исландца в Византию условно датируется временем до 950 г. Некий Эйвинд сын Бьярни «стал купцом (*farmaðr*)⁴ и уехал в Норвегию и пробыл там зиму. Потом он отправился в чужие страны и остался в Миклагарде и снискал расположение конунга греков и прожил там некоторое время»⁵. Как и Торкель, Эйвинд провел в Византии продолжительное время – можно полагать, что он поступил на военную службу.

На протяжении X в. в Константинополе побывали и другие исландцы: Берси Белый, ставший дружинником императора Йона (Иоанна), и Финнбоги Сильный [*Finnboga saga...*, 1959, кап. XVIII–XX]; Грис Сэммингссон (ок. 970–980 гг.), который снискал «большой почет от стольного конунга»⁶. Кольскегг (вскоре после 989 г.) – первый известный нам «предводитель войска вэрингов» (*hofðingi fyrir væringjarlið*: [*Njáls saga*, 1954, кап. LXXXI; *Saga о Ньяле*, 1956, с. 575] и др.). Ко второй половине X в. относятся первые упоминания «греков» и «Греческого моря» в скальдической поэзии – в поэмах Эгиля Скаллагримссона [*Finnur Jónsson*, 1913–1916, s. 202–203]. С начала XI в. сообщения о поездках скандинавов в Византию насчитываются десятками, но судя по ним, там бывали исключительно воины, нанявшиеся в имперскую армию и флот, о чем упоминают и византийские источники с начала X в.⁷

Тем удивительнее, что среди них практически нет сообщений о скандинавских купцах, отправившихся в Византию с или за ценными товарами – прежде всего шелком и предметами роскоши, которые появляются в Скандинавии уже в IX в. [*Duczko*, 1999; *Androshchuk*, 2013, р. 193–116]. Единственным, насколько мне известно, прямым сообщением о торговле скандинава в Византии является упомянутый

⁴ Впрочем, слово *farmaðr* дословно значит «путешественник» и применялось не только к купцам (ср.: “a seaman, sea-faring man”: [*Cleasby, Vigfusson*, 1975, р. 144].

⁵ “Eyvindr gerðist farmaðr ok fór útan til Nóregs ok var þar um vetrinn. Þaðan fór hann ok út í lönd ok nam staðar í Miklagarði ok fekk þar góðar virðingar af Grikkjakonungi ok var þar um hríð”: [*Hrafnkels saga Freysgoða*, 1950, кап. III; *Saga о Хравнкеле Году Фрейра*, 1999, с. 19 (с уточнениями автора)].

⁶ “Hann... fengið þar mikla sæmd af stólkonunginum” [*Hallfreðar saga...*, 1977, кап. II].

⁷ О ранних свидетельствах участия росов в имперских войсках в византийских письменных источниках см.: [*Щавелев*, 2017, с. 86–90]; по археологическим данным см.: [*Androshchuk*, 2013, р. 91–117].

выше рассказ о поездке Финнбоги Сильного в Константинополь по поручению норвежского ярла Хакона для взыскания долга с исландца Берси Белого, который семь лет назад «поселился в Грикланде, и там служит конунгу, которого зовут Йон, знатному хёвдингу. Теперь сделался Берси дружинником Йона конунга и [был] в большой милости». Прибыв в Грикланд, Финнбоги «поселился недалеко от палат конунга. Они вели торговлю с местными жителями». Встретившись с императором Йоном, Финнбоги излагает ему свое поручение, получает обещание «подумать об этом деле» и предложение остаться на зиму «и свободно заниматься торговлей с нашими людьми»⁸. Получив долг и богатые подарки от императора, а также прозвище *rammi* «Сильный», Финнбоги возвращается в Норвегию. Сага, написанная, вероятно, в первой половине XIV в., романтизирует героя – реальное лицо, упомянутое в «Книге о занятии земли» (гл. 71), – используя распространенные повествовательные мотивы саг о древних временах и родовых саг. При этом хронологические ориентиры саги не согласуются между собой. Согласно внутренней хронологии саги Финнбоги должен был родиться между 925 и 931 г., а в Норвегию и Византию он отправился, как говорится в саге, в возрасте 18 лет, т.е. в 940-е гг. Однако в это время хладирским ярлом был Сигурд сын Хакона; его отец Хакон сын Грьотгарда был союзником Харальда Прекрасноволосого, который умер ок. 933 г., а его сын Хакон Могучий был фактическим правителем Норвегии в 971–995 гг. Частое отождествление «конунга Йона» с Иоанном Цимисхием также недостоверно: побывать в Византии при Иоанне Цимисхии, который взошел на престол в 969 г., Финнбоги никак не мог. Поскольку других императоров с именем Иоанн в X в. не было, предполагается, что автор саги использовал имя одного из последующих императоров: Иоанна II Комнина (1142–1143), Иоанна III Дуки Ватаца (1222–1254), Иоанна IV Дуки Ласкариса (1254–1261) [*Blöndal, 1978*, p. 196], т.е. императора Иоанна (Йона), но современного не Финнбоги, а автору саги. Эти хронологические неувязки и беллетризированный характер как саги в целом, так и данного рассказа (см., например, мотивацию прозвища

⁸ “Hann sé kominn út í Grikkland en þar ræður fyrir konungur sá er Jón heitir og ágætur höfðingi. Nú hefir Bersi gerst hirðmaður Jóns konungs og vel virður”, “Fer Finnboги hljóðlega og tekur sér herbergi skammt frá konungs aðsetu. Þeir hafa kaupstefnu við landsmenn”, “Nú skuluð þér hér í vetur vera og eigið frjálsglega kaup við vora menn” [*Finnboga saga ramma*, Kap. 18–20. – Цит. по: https://www.sagadb.org/finnboga_saga_ramma].

героя – «Сильный», которое было дано ему императором, поскольку Финнбоги поднял помост с сидящем на троне императором и его приближенными) заставляют с крайней осторожностью относиться к упоминанию о торговой деятельности Финнбоги в Византии: не исключено, что оно отражает представления автора саги, жившего в ганзейскую эпоху, когда торговля была естественным занятием многих исландцев и норвежцев – в отличие от наемничества.

Еще одним, но еще более сомнительным свидетельством торговли скандинавов в Византии является уже упомянутый рассказ о поездке исландца Эйвинда сына Бьярни, которая условно датируется 950 г. в «Саге о Хравнкеле годи Фрейра». Эйвинд едет в Норвегию в качестве купца (*farmaðr*), после чего отправляется в Миклагард (Константинополь), где проводит «некоторое время». Поездки исландцев в Норвегию с торговыми целями были регулярны, и упоминание об этом вполне обыденно. Однако о продолжении торговой деятельности Эйвинда на востоке сага не упоминает, и значительно более вероятно, что он поступил в Империи на военную службу, как и другие его соотечественники.

Надо отметить, что сообщений о торговых поездках скандинавов за пределы Скандинавских стран в исландских сагах не так много, особенно в сравнении с рассказами и упоминаниями о их военных предприятиях, но все они говорят о торговых связях с Новгородом, Англией и Ирландией. В шведских рунических надписях XI в. увековечивается память о человеке, который «часто плавал в Земгалию на корабле с дорогими товарами», а также о некоем Дьярве, получившем весы у земгальца [Мельникова, 2001, № Б-III.5.13; Б-III.7.18]. Саги неоднократно рассказывают о купцах, исландцах и норвежцах, торговавших на Руси. Древнейшее из таких упоминаний относится ко второй половине IX в.: исландец Бьёрн получил прозвище Шкура, потому что «он был великим путешественником, Ездоком-в-Хольмгард и купцом, часто ездил на восток, и у него были лучшие шкуры на продажу, чем у большинства других купцов, и поэтому его прозвали Бьёрн-Шкура» [Литовских, 2018]. Речь, однако, идет исключительно о поездках в Новгород [Джаксон, 1989; Джаксон, 2012, с. 327–329], где на торге скандинавы приобретают драгоценные ткани – вероятно, византийского производства, богатые одежды, меха, в том числе для перепродажи в Западной Европе, предметы роскоши: украшения, столовую утварь и др., а также рабов (рабынь). Здесь же они встречаются с купцами из других стран: согласно «Пряди о Хауке Длинные

Чулки» по «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (ок. 1300 г.), Хаук покупает драгоценный плащ, отделанные золотом, у торговца-грека [Джаксон, 2012, с. 626–627]; по хронологии саги его поездка датируется первой третью X в. Возможно, уже во второй половине 1020-х гг. был заключен первый торговый договор с одной из Скандинавских стран – Норвегией [Мельникова, 2011, с. 354–370].

В 22-х надписях отношения заказчиков памятника и поминаемого определяются словом *félagi* (от *liggja fé*, дословно: «складывать имущество») «компаньон, сотоварищ», которое могло относиться к участникам викингского грабительского похода, но чаще, особенно в сагах, означало складников – купцов, ведших совместную торговлю за пределами Скандинавии [Мельникова, 2001, с. 62–64; Мельникова, 2011, с. 345–353]. Однако в связи с поездками в Византию этот термин упоминается только один раз – на камне, найденном на о. Березань в устье Днепра и датированном второй половиной XI в.: «Грани сделал этот холм по Карлу, своему сотоварищу» (*félagi*) [Мельникова, 2001, № А.2.1, с. 200–202]. Род занятий Грани и Карла и цель их поездки остаются неясными: они могли быть как воинами, так и купцами и направляться как в Византию, так и на Ближний Восток, или возвращаться оттуда.

Таким образом, древнескандинавские источники, уверенно свидетельствуя о торговле с Новгородом, практически совсем не отразили прямые торговые контакты с Византией.

Если не об отсутствии таковых, то, по крайней мере, об их незначительности, вероятно, говорят и довольно скудные византийские импорты в Скандинавии, сосредоточенные в основном на востоке: в Свеаланде и на Готланде. Древнейшим свидетельством контактов скандинавов с Византией считается монета чеканки 776/7 г. из Петергофского клада, зарытого в самом начале IX в., с греческим граффити ΖΑΧΑΡΙΟΥ (gen. от Ζαχαρίας) [Мельникова, Никитин, Фомин, 1984, с. 26–47]. Для IX в. наиболее показательны монеты императора Феофила (829–842) и три печати (найденны в Хедебю, Риббе и Тиссё) патрикия Феодосия [Androshchuk, 2013, p. 95].

Византийские монеты начинают поступать в Скандинавию уже в эпоху Великого переселения народов (известно ок. 900 солидов этого времени из Швеции и Дании [Kromann, 1989, S. 84]). С VII в. и вплоть до XII в. в Скандинавию приходят фоллисы (их число невелико, и они представлены единичными находками [Kromann, 1989, S. 88]), а с 800 г. появляются милиарисии (древнейшие – 6 монет

императора Феофила, 803–842 гг., найденных в Швеции, из них четыре – в Бирке), число которых не превышает 600: ок. 500 из Швеции (из них 104 милиарисия найдено в одном кладе – из Оксарве, Готланд), 40 из Дании, 20 из Норвегии и 19 из Финляндии [*Kromann, 1989, S. 88*; см. также: *Hammarberg, Malmer, Zachrisson, 1989*; *Androshchuk, 2013, p. 113–117*], причем обнаруживаются они в основном в кладах середины IX – середины X в. только вместе с восточными монетами [*Androshchuk, 2013, p. 115*], что говорит о сложении комплексов монет в Восточной Европе. 23 золотые номисмы происходят с о. Готланд, из Дании и Норвегии [*Duczko, 1999, p. 293*], из них 16 представлены в кладе из Хён (Ноеп), Норвегия [*Audy, 2016, p. 144*]. При этом 24% всего количества найденных византийских монет были превращены в подвески, в том числе все номисмы из клада из Хён [*Audy, 2016, p. 151*]. По сравнению с 90 000 восточных монет, найденных в материковой Швеции и на о. Готланд, византийский монетный импорт ничтожен и вряд ли указывает на интенсивность торговых связей с Византией. Он свидетельствует скорее о том, что византийские монеты высоко ценились и были престижны [*Malmer, 1981, p. 128*; *Audy, 2016, p. 165*].

Более репрезентативны находки фрагментов изделий из шелковых тканей [*Lopez, 1945*] – их необычно большое число концентрируется в Бирке. Они найдены примерно в 70 погребениях, как мужских, так и женских [*Hägg, 2016* с литературой]. Вывоз шелка, однако, строго контролировался византийскими властями [*Haussig, 1981*; *Ferluga, 1987, p. 635–639*]. Иное дело – подарки отрезков шелка или изделий из него. Согласно «Повести временных лет», Ольга перед отъездом из Константинополя получила в дар «злато и серебро, паволоки и съсуды различныя» [*Лаврентьевская летопись, 1997, стб. 61*]. Исландец Болли сын Болли, побывав в Византии, «не желал носить никакой другой одежды, кроме одеяний из пурпурных и других дорогих тканей... Он был в тех дорогих одеяниях, которые ему подарил конунг Миклагарда. Кроме того, на нем был пурпурный плащ...»; пурпурные одеяния были и на его 12 спутниках⁹. Это и другие подобные

⁹ «Bolli hafði mikið fé út og marga dýrgripa er höfðingjar höfðu gefið honum... Hann vildi engi klæði bera nema skarlatasklæði og pellsklæði... Bolli ríður frá skipi við tólfta mann. Þeir voru allir í skarlatasklæðum, fylgdarmenn Bolla... Hann var í pellsklæðum er Garðskonungur hafði gefið honum. Hann hafði ysta skarlataskápu rauða» [*Laxdæla saga, kap. LXXVII. – Цит. по: <https://www.snerpa.is/net/isl/laxdal.htm>; Сага о людях из Лососьей долины, 1956, с. 436*].

сообщения саг подтверждаются археологическим материалом. По наблюдениям И. Хэгг, ряд погребенных в Бирке воинов были одеты в шелковые одежды; в одном случае удалось даже восстановить покрой одеяния – византийского скарамангия, верхней одежды, которую носили военнослужащие, чиновники и придворные, а также сам император [Hägg, 1984, S. 218]. Могли изделия из шелка попадать в Византию и транзитом: драгоценный (шелковый?) плащ, отделанный золотом, был куплен Хауком в Новгороде у торговца-грека (см. выше).

Находки ценных украшений, предметов культа и утвари собственно византийского производства, а не русского по византийским образцам, единичны [Duczko, 1999].

Таким образом, если письменные источники сообщают о многочисленных скандинавах-наемниках в Византии, как в составе императорской гвардии, так и в полевых войсках и на флоте, то археологический материал свидетельствует о существовании связей Скандинавии с Византией, особенно во второй половине X – XI в., однако он не дает оснований говорить о сколько-нибудь регулярных прямых торговых контактах.

Между тем, восточные и византийские источники содержат информацию о торговле ар-рус, или росов, в Византии¹⁰, причем уже с третьего десятилетия IX в. Ибн Хордадбех, прекрасно осведомленный в силу своей официальной должности о международных контактах в Восточной Европе и на Переднем Востоке, пишет о том, что с купцов-росов «берет десятину властитель Рума (Византии. – Е. М.)» [Древняя Русь..., 2009, с. 30], т.е. в арабском мире было известно о том, что русы приходят в Византию с торговыми целями. Это сообщение Ибн Хордадбега присутствует в ранней редакции его «Книги путей и стран» и, соответственно, датируется временем не позднее 840-х гг. [Коновалова, Мельникова, 2018, с. 163]. Оно недвусмысленно свидетельствует о проникновении скандинавских торговцев в Византию практически одновременно с появлением в Константинополе послов-свеев, назвавшихся росами, от некоего

¹⁰ Я не рассматриваю здесь сообщения о торговле росов по Волжскому пути [Noonan, 1994 и др.]. Надо лишь отметить, что как сообщения восточных писателей (в частности Ибн Фадлана), так и нумизматические данные указывают на то, что существовали прямые торговые связи между Скандинавскими странами и Волжской Булгарией [Ковалев, 2013, р. 96; Ковалев, 2017].

«кагана» [*Annales Bertiniani*, 1883, р. 19–20; *Shepard*, 1995; *Назаренко*, 2010, с. 19–20]. Из слов Ибн Хордадбега, однако, остается неясным, каких именно скандинавов он имел в виду: приходящих непосредственно из Скандинавии или уже осевших в Восточной Европе (в Ладогe). Скорее всего, он вообще не делал различия между теми и другими и знал только, что они приходят из земли славян, отчего и причислил их к роду славян (если эта фраза не является позднейшей вставкой).

Очевидно, что такие появления были нечастыми и мало заметными в системе обширных торговых связей Византии. Не случайно в 860 г. патриарх Фотий, свидетель осады Константинополя росами и участник обороны города, не называет напавших незнакомым византийцам народом, а «народом незаметным, народом, не бравшимся в расчет, народом, причисляемым к рабам» [*Кузенков*, 2003, с. 57]. Формулировки Фотия предполагают, что к 860 г., в Византии уже были достаточно хорошо знакомы с росами¹¹, но они не привлекали внимания и не вызывали интереса у властей ни как торговые партнеры, ни как военная сила, угрожающая Империи или пригодная для использования: как угроза – до событий 860 г. как наемники – до начала X в., как торговые партнеры – вплоть до 10-х гг. X в.

Таким образом, на протяжении большей части IX в. торговые плавания скандинавов в Византию были спорадическими, осуществляемыми отдельными отрядами, которые, вероятно, использовали различные маршруты, в том числе и Днепровский, о котором пишет Ибн Хордадбег [*Коновалова*, *Мельникова*, 2018, с. 167–168]. Однако редкость этих поездок почти на всем протяжении IX в. не вызывала еще необходимости в сколько-нибудь постоянных стоянках, и только к концу этого столетия возникают эмпории, обслуживавшие

¹¹ Предполагаемое скандинавское происхождение отца Евдокии Ингерины, наложницы императора Михаила III и жены императора Василия Македонянина, Ингера, митрополита Никеи в 825 г., на основании его имени, возводимого к др.-сканд. *Inger* [*Mango*, 1973], крайне мало вероятно. По справедливому мнению С. Р. Тохтасьева, «очень непросто представить себе норманна в качестве митрополита одной из важнейших церквей Империи уже в 1-й четверти IX в.». Учитывая широкое распространение во всех германских языках ономастической основы *Ing-/Yng-*, значительно более вероятно возведение имени отца Евдокии к германскому двухосновному имени (ср. др.-англ. **Ingi-gēr*, рунич. **Ingi-gæirR*). По предположению С. Р. Тохтасьева, отец Евдокии мог происходить из лангобардов [*Тохтасьев*, 2018, с. 365–366], по предположению А. С. Щавелева – из готов, расселившихся в феме Опсикий [*Щавелёв*, 2012].

Днепровский путь: Гнёздово в начале пути и Киев в его центральной части. Их появление знаменует интенсификацию движения по Днепровскому пути и, соответственно, увеличение числа торговых предприятий скандинавов – военные отряды, едущие с целью грабежа или найма на службу, в таких стоянках нуждались в значительно меньшей степени.

В последующие почти 50 лет сообщения о присутствии скандинавов в Византии вообще отсутствуют, хотя переписка двух императоров, германского Людовика II и византийского Василия I, от которой сохранилось лишь письмо Людовика 871 г., где обсуждается титул «каган» [Назаренко, 2010, с. 22–24], говорит, по крайней мере, о неоднократных появлениях скандинавов в Византии, но не дает никаких оснований определить, откуда приходили эти скандинавы. Тот же характер носит и сообщение Льва VI Мудрого (в трактате «Тактика», написанном между 904 и 912 гг.) о том, что корабли росов, небольшие и быстрые, прибывают в Византию по рекам [Щавелев, 2016]. На протяжении полустолетия, разделяющего проповеди патриарха Фотия 860 г., который назвал росов «народом незаметным», «не принимаемым в расчет», и «Тактикой» Льва Мудрого, осведомленного о путях росов в Византию, росы не только стали достаточно хорошо известным византийцам народом, но и начали, по меньшей мере, с начала X в. использоваться имперскими властями в военных предприятиях (обзор см.: [Щавелев, 2017, с. 86–90]). В начале – первой половине X в. византийские источники отмечают присутствие отрядов росов в морских операциях против арабов, причем эти отряды насчитывали по несколько сотен человек: 700 воинов в 911 г., семь кораблей с 415 людьми в 935 г., 584 росов и 45 юношей при них в 949 г. [Constantine..., 2012, p. 651, 660–678]. Такое количество наемников вряд ли могло набираться из числа осевших в Восточной Европе скандинавов. Скорее, большая их часть была выходцами непосредственно из Скандинавии – именно о них и рассказывают исландские родовые саги, именно их, нанятых для захвата Киева, отправляет в Византию Владимир Святославич в 978 г.

Собственно купцы-скандинавы – но уже осевшие в Восточной Европе – хорошо известны в Византии самое позднее с 911 г., когда был заключен первый известный нам договор с византийскими властями, который касался, прежде всего, торговых отношений. Заключенный в 944 г. русско-византийский договор не только посвящен торговле, но перечисляет в качестве свидетелей 26 «купцов»,

среди которых два носят славянские имена, один – финское (?), остальные – скандинавские. Подробно пишет об организации торговли росами в Константинополе Константин VII Багрянородный в трактате «Об управлении империей» (начало 950-х гг.) [*Константин Багрянородный*, 1989, с. 44–51]. Он же упоминает в справочнике «О церемониях», написанном в 963 г. или позже, купцов, сопровождавших княгиню Ольгу: их количество достигает 44 человек [*Constantine...*, 2012]. Почти столетие спустя, Скилица сообщает об убийстве на рынке русского купца, что, спровоцировало в 1043 г. неудачный поход на Константинополь Владимира Ярославича [*Литаврин*, 1967].

Однако во всех этих случаях торговые операции в Византии совершают отнюдь не выходцы непосредственно из Скандинавии. Константин, безусловно считая росов скандинавами, пишет только о тех росах и их архонтах, которые прочно обосновались в Киеве. Здесь они обитают, отсюда отправляются в полюдые по подвластным им территориям, сюда «подплатежные» им славяне доставляют моноксилы и здесь моноксилы затем оснащаются для плавания в Византию [*Константин Багрянородный*, 1989, с. 44–47]. Константин прямо не говорит о целях, которые преследуют росы, отправляясь в Константинополь, но упоминание рабов, которых в цепях проводят по суше при преодолении порога Айфор, а также грузов, которые переносят на плечах, с очевидностью указывает на торговый характер этих поездок.

Вряд ли вызывает сомнение общее мнение, что в Константинополь росы везли на продажу рабов и ценности (пушнину, воск, мед), полученные ими в ходе полюдыя. Подавляющее большинство купцов, засвидетельствовавших договор 944 г., судя по их именам, – скандинавы. Однако вряд ли столь серьезная миссия могла быть возложена на случайных только что прибывших скандинавов – скорее это были более или менее профессионализовавшиеся к этому времени люди, регулярно занимавшиеся дальней торговлей¹², возможно, жившие в различных центрах подвластной Рюриковичам территории. Точно так же и в свите княгини Ольги не могли оказаться случайные люди. И в том, и в другом случае это должны были быть проверенные и доверенные члены княжеского окружения, имеющие опыт плаваний в Византию. Они должны были быть и неплохими воинами, способными защитить себя и свои товары – не случайно, по рассказам исландских саг, торговля нередко перетекала в вооруженное столкновение

¹² О выделении профессиональных купцов см.: [*Перхавко*, 2008, с. 29–75].

и наоборот, а, по словам Константина Багрянородного, преодолевающим Днепровские пороги росам постоянно приходилось нести стражу и отражать нападения печенегов. Таким образом, в византийских источниках, сообщающих о торговых отношениях со скандинавами, речь идет о киевской руси, а не о жителях Скандинавии.

Так же и русско-византийские договоры заключаются «великими князьями рускими» – скандинавами, но уже осевшими и закрепившимися в Киеве и, как Игорь, уже частично ассимилировавшимися в славянской среде (ср. славянские имена у членов княжеского рода: Святославъ, Володиславъ, Передъслава). В текстах договоров недвусмысленно подразумеваются купцы (гости), если и не из Киева, то из других центров «Руской земли», подвластной киевскому князю. Так, в договоре под 907 г. гости «поидучи же **домовъ, в Русь** (выделение мое. – Е. М.) за ся, да емлют у царя вашего на путь брашно... елико имъ надобе» [*Лаврентьевская летопись*, 1997, стб. 31]. В договоре 944 г. идентичность «сълов и гостей» определяется словами «от рода рускаго», т.е. они – скандинавы (что подтверждается подавляющим большинством имен послов и купцов), но живущие на территории, на которую распространяется власть «рускаго» (киевского) князя. Именно князь и его «бояре» посылают в Византию своих послов и купцов, удостоверяя их лояльность золотыми и серебряными печатями и княжескими грамотами [*Лаврентьевская летопись*, 1997, стб. 48]. Речь, таким образом, идет исключительно о тех послахах и купцах, которых русский князь сам посылает в Византию, или о тех воинских контингентах, которые киевский князь отправляет в Византию по просьбе императора, а не о неких самостийно «приходящих» скандинавах – независимых торговцах, воинских отрядах или отдельных викингах, собирающихся наняться на службу в империи. Их возможное появление в Византии также оговорено в договоре 944 г.: приходящие «без грамоты» подлежат аресту до выяснения их намерений у киевского князя, а в случае их вооруженного сопротивления они могут быть убиты без компенсации [*Лаврентьевская летопись*, 1997, стб. 48]. Судя по употреблению притяжательных местоимений («преданы будутъ намъ» и «възвъстимъ князю вашему»), это положение внесено в текст договора византийской стороной. Очевидна нежелательность для византийских властей подобных визитов.

Однако в упорядочении русско-византийских связей, как свидетельствует договор 944 г., заинтересована не только византийская, но и русская сторона. Инициатива введения «удостоверительных

грамот» принадлежит не византийцам, а самому киевскому князю: «ныне же увѣдѣль есть князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему» [*Лаврентьевская летопись*, 1997, стб. 48]. В этом разделе речь идет о послах и купцах. Ниже оговаривается процедура найма на военную службу: «Аще ли хотѣти начнеть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хотимъ» [*Лаврентьевская летопись*, 1997, стб. 52]. Практическое действие этой статьи договора отражено, по меньшей мере, в двух рассказах «Повести временных лет»: об обязательстве княгини Ольги послать военный контингент в Византию [*Лаврентьевская летопись*, 1997, стб. 62–63] и об отправке Владимиром в Византию взбунтовавшихся варягов, участвовавших во взятии Киева в 978 г. [*Лаврентьевская летопись*, 1997, стб. 79] с сопроводительной грамотой. Тем самым устанавливался жесткий контроль киевских властей над поездками с целью как торговли, так и наемничества в Византию из Восточной Европы. Не случайно во многих случаях в сагах отмечается, что прежде чем попасть в Византию, скандинав проводил некоторое время (год и больше) на службе у «конунга Гардарики». Разумеется, киевские князья в середине X в. могли более или менее успешно контролировать только Днепровский путь, и проникновение «несанкционированных» отрядов скандинавов в Византию по Дону, Днестру или другим рекам не исключалось. Но византийцы обходились с такими отрядами жестко – в полном соответствии с условиями договора: так, некий Хрисохир, родич князя Владимира, пришел к Константинополю с 800 воинами и хотел поступить на военную службу. Опасаясь неприятностей, византийские власти предложили отряду вести переговоры, сложив оружие. Русы не подчинились, прорвались через Дарданеллы, одержав победу над пропонтидским стратигом, и вышли в Эгейское море, но около о. Лемнос были окружены византийским флотом. Хрисохир снова отказался выполнить условия византийцев и был разгромлен [*Ioannes Scylitzae...*, 1973, p. 367–368]¹³. Вероятно, подобная участь постигла не одного Хрисохира.

Таким образом, с середины X в. осуществлять поездки в Византию скандинавы (как другие, некиевские, группировки росов, осевших в Восточной Европе, так и пришедшие непосредственно

¹³ О датировке похода и возможной идентификации Хрисохира см.: [*Литаврин*, 2000, с. 223–227; *Цукерман*, 2009, с. 222].

из Скандинавии), могли только с согласия киевского князя (и его «бояр»), хотя первые, еще, видимо, мало эффективные попытки ограничить несанкционированный доступ в Византию, делаются уже в тексте договора, помещенном под 907 г., где ответственность за «благонадежность» прибывающих русов возлагается на киевского князя: «да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в странѣ нашей» [*Лаврентьевская летопись, 1997*, стб. 31]. Это условие не конкретизировано и выглядит скорее общим пожеланием: если киевский князь мог запретить своим дружинникам, отправлявшимся в Константинополь для торговли или службы, грабить встречавшиеся на пути поселения и города (впрочем, неясно, насколько действенным было для них его «слово»), то трудно представить себе, каким образом он мог «своим словом», пусть и подтвержденным силой его дружины, воспрепятствовать проходу вооруженных отрядов с севера даже мимо Киева, не говоря уже о других возможных выходах в Черное море [*Мельникова, 2019a*].

Заинтересованность Византии в воспрепятствовании появлению независимых отрядов викингов вполне понятна – они представляли серьезную угрозу для Империи в X в. Но, видимо, киевский князь имел не меньше оснований не допускать независимых купцов-скандинавов, нежели византийские власти. С одной стороны, отряды воинов-скандинавов были опасны обосновавшимся в Восточной Европе русам, хотя условия плаваний по рекам существенно снижали фактор неожиданности и тем самым степень опасности. Тем не менее столкновения между их отдельными группами были неизбежны, и если в сагах о викингах эти столкновения отразились в одном из распространенных сюжетных мотивов – нападении героя-скандинава на «конунга Гардарики» [*Мельникова, 2019b*, с. 351–355], то в «Повести временных лет» мы находим прямой рассказ о борьбе двух групп скандинавов: нападении войска Олега (*Helgi*) на обосновавшихся в Киеве скандинавов под главенством Аскольда и Дира (*Höskuldr* и *Dyrr/Dyri*), убийстве последних и вокняжении Олега в Киеве (изменение в «Новгородской первой летописи», т.е. в «Начальном своде», ролей Олега и Игоря Рюриковича сути повествования не меняет).

С другой стороны, речь в соответствующих статьях идет не столько о военных отрядах (условия их доступа в Византию оговариваются ниже в отдельной статье), сколько о купцах, которые должны получать грамоты стандартизированного содержания: «послахъ корабль селико». Текст договора прямо указывает на то, что поездки

в Византию могут совершаться только с разрешения верховного правителя Киевской Руси. Выдаваемые князем грамоты служили как «удостоверениями» благонадежности приезжающих, так и своего рода лицензиями на торговлю. Если первая функция грамот обеспечивала интересы византийских властей, то вторая отвечала потребностям киевской элиты и фактически устанавливала исключительное право киевских русов на торговлю с Византией.

Монополизация византийской торговли была жизненно важна для киевских властей – в условиях военно-торговой экономики [Мельникова, 2017] торговля составляла для элиты важнейший источник материального обеспечения, получения сверхприбыли и приобретения предметов роскоши, маркирующих ее социальный статус. Военная элита скандинавского происхождения, укрепившись в Киеве, не имела исконных земельных владений, т.е. источника доходов производящего хозяйства, сколь бы незначительны они ни были. Правители Киева и их окружение были изначально обособлены от местного населения, и их экономическое обеспечение полностью зависело от степени контроля над торговыми путями¹⁴ и местным населением, от размера подвластной территории, успеха военных походов, т.е. от интенсивности и успешности военной и торговой деятельности. Присутствие конкурентов – независимых купцов-скандинавов – было для киевской руси крайне нежелательным: оно могло существенно снизить доходы руси и поставить под угрозу не только благополучие, но и само существование военной элиты, которое обеспечивалось мощным (по тому времени) профессиональным войском, требовавшим значительных затрат на его содержание и экипировку. Торговая монополия¹⁵ предотвращала утечку прибыли и позволяла концентрировать доходы от торговли в княжеской казне.

¹⁴ Обеспечение свободного прохода из Киева в Византию было настолько важной задачей для элиты формирующейся политики, что одной из первых военных акций киевских князей стала борьба с уличами, занимавшими территорию южнее Киева по Днепру и преграждавшими свободное передвижение из Киева к устью Днепра, завершившаяся их разгромом и вытеснением на новые места [Щавелев, 2017, с. 92 и примеч. 52].

¹⁵ Формы контроля над торговлей, как кажется, существенно различались в среднеднепровской и волховско-ильменьской политиях. В последней, судя по сообщениям восточных писателей, купцы могли свободно передвигаться по Волжскому пути (ср. описание купцов-русов у Ибн Фадлана), но с них взималась торговая пошлина [Древняя Русь..., 2009, с. 55 («Худуд ал-Алам»); с. 59 (Гардизи)].

Литература

- Глазырина Г. В.* Формирование устной традиции: сюжет о походе русов на Берда'а в восточных памятниках и рассказ «Саги об Ингваре» о гибели скандинавов на востоке // *Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения.* XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2000. С. 155–165.
- Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Изд. 2-е испр. и доп. М., 2012.
- Джаксон Т. Н.* Отражение торговли Новгорода со Скандинавией в древне-скандинавской письменности // *Скандинавский сборник.* Вып. XXXII. Таллинн, 1989. С. 117–128.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников.* Т. 3. Восточные источники. М., 2009.
- Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.* «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.
- Ковалев Р. К.* О роли русов и волжских болгар в импорте североиранских дирхемов в Европу во второй половине X – начале XI в. // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2015 г. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье / Отв. ред. тома А. С. Щавелев. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. С. 95–143.
- Коновалова И. Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // *Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто / Под ред. Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова.* М., 1999. С. 111–120.
- Коновалова И. Г., Мельникова Е. А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций. М., 2018.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1989.
- Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 3–172.
- Лаврентьевская летопись /* Под ред. Е. Ф. Карского; Предисл. Б. М. Клосса. М., 1997. (Полное собрание русских летописей. ПСРЛ; Т. 1)
- Литаврин Г. Г.* Русско-византийские отношения в XI–XII вв. // *История Византии.* Т. 2. М., 1967. С. 347–353.

- Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
- Литовских Е. В.* Древнерусско-исландские связи в X–XIII вв.: Бьёрн-Шкура «Ездок в Новгород» // Восточная Европа в античности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: М., 2018. С. 184–189.
- Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1986.
- Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 2001.
- Мельникова Е. А.* Скандинавия и Русь. Избр. Статьи / Под ред. Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон. М., 2011.
- Мельникова Е. А.* Экономические системы в эпоху возникновения государства: Древняя Русь и Скандинавские страны // Древнейшие государства Восточной Европы, 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017. С. 390–440.
- Мельникова Е. А.* Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию // Российская история. 2019а. № 4. С. 66–81.
- Мельникова Е. А.* Восточноевропейский мир IX–X вв. в древнескандинавской письменности: формы репрезентации // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. К 70-летию А. В. Назаренко. М., 2019б. С. 327–344.
- Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 г. М., 1984. С. 26–47.
- Назаренко А. В.* Западноевропейские источники. М., 2010 (Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4).
- Перхавко В. Б.* История русского купечества. М., 2008.
- Сага о людях из Лососьей долины* / Пер. В. Г. Адмони, Т. И. Сильман // Исландские саги / Ред., вступит. ст. и примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956. С. 253–439.
- Сага о Ньяле* / Пер. С. Д. Кацнельсона, В. П. Беркова, М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги / Ред., вступит. ст. и примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956. С. 441–758.
- Сага о Финнбоги Сильном* / Пер. Ф. Батюшкова. М., 2002 (1-е изд. СПб., 1885).
- Сага о Хравнкеле Годи Фрейра* / Пер. О. А. Смирницкой // Исландские саги. Т. 2. СПб., 1999. С. 15–46.

- Тохтасьев С. Р.* Язык трактата Константина Багрянородного *De administrando imperio* и его иноязычная лексика. СПб., 2018.
- Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник. Вып. 1. Париж, 2009.
- Щавелев А. С.* «Держава Рюриковичей» в первой половине X в.: хронология, территория и социальная структура // Петербургские славянские и балканские исследования / *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1. СПб., 2017. С. 82–112.
- Щавелев А. С.* Известие о «северных скифах» («росах») в трактате «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география. Т. 3. М., 2016. С. 236–250.
- Щавелев А. С.* К этнической идентификации знатных византийцев по имени Ингер (конец VIII – начало IX в.) // Восточная Европа в древности и средневековье: Миграция, расселение война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2012. С. 281–285.
- Androshchuk F.* Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100). Uppsala, 2013.
- Annales Bertiniani* (Annales Bertiniani s.a. 839) // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicum in usum scholarum* / Ed. G. Waitz. T. V. Hannover, 1883. S. 19–20).
- Audy F.* How were Byzantine coins used in Viking-Age Scandinavia? // *Byzantium and the Viking World* / Ed. F. Androshchuk, J. Shepard, M. White. Uppsala, 2016. P. 141–168.
- Blöndal S.* The Varangians of Byzantium: An Aspect of Byzantine Military History / Trans. by *Benedikt S. Benedikz*. Cambridge, 1978.
- Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic-English Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1975.
- Constantine Porphyrogenetos.* The Book of Ceremonies / Transl. A. Moffatt and M. Tall with the Greek edition of the *Corpus scriptorium historiae byzantinae*. Vol. 2. Canberra, 2012.
- Davidson H. R. Ellis.* The Viking Road to Byzantium. London: George Allen & Unwin LTD, 1976.
- Duczko W.* Byzantine Presence in Viking Age Sweden: Archaeological Finds and their Interpretation // *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts* / Hrsg. M. Müller-Wille. Stuttgart, 1999. P. 291–311.
- Ferluga J.* Der byzantinische Handel nach Norden // *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa*.

- Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. Teil IV: Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit / Hrsg. K. Düwel, H. Jankuhn, H. Siems, and D. Timpe. S. 616–642.
- Finnboga saga ramma // Kjalnesinga saga / Jóhannes Halldórsson gaf út. (Íslenzk Fornrit 14). Reykjavík: Hið Íslenzka Fornritafélag, 1959.*
- Finnur Jónsson. Lexikon poeticum antiquæ linguæ septentrionalis. Ordbog over det norsk-islandske skjaldesprog. København, 1913–1916.*
- Hägg I. Birkas orientalska praktplagg // Fornvännen. 1984. Årg. 78. S. 204–220.*
- Hägg I. Silk in Birka // Byzantium and the Viking World / Ed. F. Androshchuk, J. Shepard, M. White. Uppsala, 2016. P. 281–304.*
- Hägg I. Silks in Birka // Byzantium and the Viking World / Ed. F. Androshchuk, J. Shepard, M. White. Uppsala: Uppsala Universitet, 2016. P. 281–304.*
- Hallfreðar saga Vandræðaskálds / Bjarni Einarsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1977.*
Цит. по: URL <https://www.snerpa.is/net/isl/hallfr2.htm> (доступ 20.12.2019).
- Hammarberg I., Malmer B., Zachrisson T. Byzantine Coins Found in Sweden. Stockholm, 1989 (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. N.S. 2).*
- Haussig S. W. Der Seidenhandel über die Chazaren mit Byzanz und Skandinavien // Les pays du Nord et Byzance / Red. par Rudolf Zeitler. Uppsala, 1981. S. 187–194.*
- Hrafnkels saga Freysgoða, IX / Udg. Jón Helgason. København: Munksgaard, 1950.*
- Ioannes Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. Io. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973.*
- Kovalev R. Were there Direct Contacts between Volga Bulgária and Sweden in the Second Half of the Tenth Century? The Numismatic Evidence" // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 20. Wiesbaden, 2013. P. 67–102.*
- Kromann A. Mønterne fra Byzanz // Bysans och Norden / Red. E. Piltz. Uppsala, 1989. S. 81–90.*
- Laxdæla saga / E. O. Sveinsson gaf út (Íslenzk fornrit. B. V). Reykjavík, 1934.*
- Lopez R.S. Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. 1945. Vol. 20. P. 1–42.*
- Malmer B. The Byzantine Empire and the Monetary History of Scandinavia during the 10th and 11th Century A. D. / Les pays du Nord et Byzance / Red. par Rudolf Zeitler. Uppsala, 1981. S. 125–129.*
- Mango C. Eudocia Ingerina, the Normans, and the Macedonian Dynasty // Zbornik Radova Vizantološkog Instituta.. T. XIV–XV. Beograd, 1973. P. 17–27.*
- Njáls saga / Einar Ól. Sveinsson gaf út. Reykjavík, 1954 (Íslenzk Fornrit, XII).*
- Noonan T. S. The Vikings in the East: Coins and Commerce // Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age [The Twelfth Viking Congress/Birka Studies, vol. 3]. Eds. Ambrosiani B., Clarke H. Stockholm. 1994. P. 215–236.*

- Piltz E.* Varangian Companies for Long Distance Trade: Aspects of Interchange between Scandinavia, Rus' and Byzantium // *Byzantium and Islam in Scandinavia. Acts of a Symposium at Uppsala University June 15–16 1996* / Ed. E. Piltz. Uppsala, 1998. P. 85–106.
- Scheel R.* Skandinavien und Byzanz. Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. Theil 1–2.
- Shepard J.* The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? // *Early Medieval Europe*. 1995. Vol. 4. P. 41–60.

E. A. Melnikova

**Scandinavian Merchants and the Kiev Rus' People
on the Road to Byzantium in the 10th to 11th centuries AD**

Summary

The absence of any information about trade voyages of Scandinavians to Byzantium in the 10th to 12th centuries AD in Old Norse written sources asks for an explanation especially as there exist multitude of mentions of Scandinavians serving as mercenaries there. The article aims to demonstrate that the free access to Byzantine markets was blocked by the Kiev princes for 'independent' merchants. The new warrior elite of the emerging Middle-Dnieper polity depended on the war-and-trade economy and the realization in Byzantine of the goods acquired as tributes was a vital necessity for it. This radical measure eliminated competitors who could significantly diminish the profits of the Kiev Rus'.

K e y w o r d s : trade, Byzantium, Scandinavian merchants, the Kiev Rus' people.